



АНДРЕЙ ДМИТРУК



АЛТАРЬ
УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация

Мистическая фантазия. Вариант альтернативной истории: в наши дни практически весь земной шар охвачен локальными войнами. Особенно сильно они бушуют на бывшей территории Советского Союза. Бедность и разорение народов становятся нестерпимыми. Ко всем невздам примешивается пандемия чудовищной болезни «зелёная маска»...

Пытаясь заработать себе на жизнь, по Украине кочует небольшой театр. Главная героиня повести, Алька Клюева, играет на его сцене. Театр едет на гастроли с оригинальной инсценировкой «Апокалипсиса». Но вдруг оказывается, что на Земле действительно происходит нечто, подобное сюжету пророчества Иоанна Богослова! Одна за другой страны гибнут под ударами эскадрилий невиданных летательных аппаратов, ведомых загадочным Чёрным Лордом...

Андрей Дмитрук Алтарь управления Сказка рубежа столетий

*...Берет его Дьявол на высокую гору
и показывает Ему все царства мира и
славу их, и говорит Ему: все это дам Тебе...*

Евангелие от Матфея.

*Если ты испуган — иди навстречу опасности и
страху.*

Книга «Бардо Тедол»

Светлой памяти Людмилы Козинец

***Из стихов, написанных в юности Алиной
Клюевой***

*...Вы, мы, орава, кошачий сброд,
В похоти вздымаем хвост свой!
Разве это — победный взлет?
Это — страшный скачок к звездам?
Ко всем сразу, все — загрести
И зарыться, как в волосы, в серебро светил...
Кто же нас может спасти?
Кто выведет
звучным ударом крыл?..*

* * *

*Я не знаю, кто ты.
Я не услышу
Ракеты рев и шаги в траве.
Выше космической крыши —
Великий, ладонь приложи к голове!
Зачем ты дал нам свободу воли?
Зачем муравьям подарил алмаз?
Вырви меня из всей этой боли,
Я так хочу!..*

* * *

*...Струна сорвалась...
Страстно хочу!
Спустишь!
Посмотри —
И унеси
в многомерный шар!..
Ты все равно у меня внутри,
И мысль моя — это твой, твой дар!
Я тоже,
вне всяких дорог и метров,
Увижу, как звезды растут из семечка...*

*«Время!» — зову, задыхаясь от ветра;
«Не уходи!
Подожди меня, времечко-о!..»*

** * **

*И — упаду на дорогу булыжную,
Выплюну кровь из черного рта...
Проклятье!
Скажи же мне, солнце рыжее:
Почему жизнь — не та?
Живу ли я,
или, может, это
Только ступень к настоящей жизни?..
Голос
слабеет
за тучами:
«Где ты-ы?..»*

** * **

*Дождусь.
Если мозг до тех пор не брызнет.*

Развернув пакет, церемонно поданный
Ростиком, Алина ахнула так, что от зеркал

обернулись. Корзун был просто прелесть, и стоило его при всех расцеловать, что она и сделала.

— А накурилась! — укоризненно сказал Ростик, отворачиваясь: он был застенчив.

— Чего это он тебе, Аль? Покажи, а?..

Оставив грим, девчата сбились вокруг Альки, кто с нарисованной половиной лица, кто вообще успев нанести лишь первые мазки: Нинуля с ангельскими крыльями, которые следовало еще расправить, Валюха — блудница Вавилонская — со стрелками туши до висков, сестры Ильчишины, сплошь набеленные и в рубахах до полу, как и следует воскресшим мертвецам. Баллончик стал переходить из рук в руки:

— «Ла-ко-сте...»

— Почему «Лакосте»? Это читается «Лакост»!

— Ну, ты же у нас полиглотка, три класса и один коридор...

— А-а, у меня был такой, два года пользовалась понемногу.

Дождавшись, пока схлынет щебет, Ростик перенес внимание на себя, как бесстрашного и умелого доставалу. От Дебрецена, где на тайно провезенный чемодан водки он выменял немало парфюмерии, с помощью знакомого проводника подался на спорные земли. Под Береговым шли бои, путь на северо-восток был закрыт; тогда Ростик отступил к румынской границе. Для пограничников

был заготовлен паспорт Германской Федерации, где Корзун именовался жителем Риги; с немцами и их балтийскими сателлитами Румыния не воевала, он беспрепятственно доехал до Сирета. Два-три тюбика бритвенного крема «Пальмолив» помогли оказаться на Буковине, но тут-то и варился главный котел: за Глыбокой ревели установки «Град», сплошная стена дыма закрывала путь на Черновцы. Тогда по льду через Прут, под снарядами, летевшими с обеих сторон, затем, сверясь с картой, проселками на Хотин — двинулся Ростик в направлении дома... Один раз повезло в пути, подбросили украинские гвардейцы на БТРе; другой раз едва ушел от банды мародеров. Хотин был почти безлюден, знаменитая крепость разворочена румынскими бомбами. В разбитом магазине поживился Корзун тушонкой, взял бы и с собой, да поймал его издали на мушку зловерный снайпер. Ох, какие пришлось делать петли среди развалин, — а резвый красный зайчик лазерного прицела скакал совсем рядом!..

В Виннице дождавшись, пока подадут энергию для еженедельной электрички до Киева, на крыше вагона прибыл Ростик домой. Здесь было спокойно: нормальное военное положение, редкие воздушные тревоги. Одна лишь неприятность случилась еще на вокзале, фатально неизбежная: ЭВК. Тридцать часов в накопителе, рентген, куча

анализов, в том числе — бр-р! — соскобы кожи и слизистой... Узнав, куда отбыл на гастроли «Вифлеем», Корзун пристроился к колонне грузовиков, гуманитарному конвою Всемирного Ордена Милосердия в Черкассы. По дороге их чуть не ограбили, пытаясь отнять драгоценный бензин, — есть же подонки, которых и красные крест с полумесяцем не смутят! Двигаясь через Городище, конвой оставил здесь медикаменты, сухое молоко — и впридачу его, Ростика.

Вручив Альке дезодорант и кое-какие мелочи раздав девчатам, Корзун ушел переодеваться на мужскую половину гримерной, впрочем, даже условно не отделенную от женской, — в диком гастрольном быту друг друга не стеснялись. Она еще раз оглядела нарядный баллончик: ага, вот он, вмятый штамп, «андреевский крест», без которого, проверив товар, на месте шлепнет торговца любой, самый загребуший полицейский! Застрелит, а тело и все вещи обольет чем-нибудь горючим и сожжет, хоть бы там была коллекция брильянтов. Так сегодня повсюду, кроме районов сплошных боев: крестик ЭВК, электронно-вирусного контроля, наносится, оттискивается, чеканится, проплавляется на всем, чем торгуют.

Когда Ростик пригласил Альку покурить, девчата понимающе переглянулись: отношения этой пары служили неиссякаемой темой для

разговоров. Ростик, которого в другом месте давно называли бы Ростиславом Евгеньевичем, нескладный молодец лет сорока трех, жидковолосый, в вечном пиджаке с кожаными заплатами на локтях, безнадежно влюбленный в Альку, часто и с убытком для себя прерывал деловые разъезды, дабы поучаствовать в спектакле «Вифлеема». Актер он был неплохой; как комерсант, отважно пересекавший фронты, полезен всему театру, оттого Альку уговаривали: «Будь ласковой, не гони». Да она, собственно, и не гнала, принимала Ростиково обожание добродушно-снисходительно.

Стоя возле урны на лестничной площадке, Корзун приводил все новые примеры своей удали, часто противореча прежде сказанному.

— Заврался, зверушка! — сказала Алина, взъерошив ему волосы. Этого Ростик не терпел и сразу полез за расческой. Тогда из кармана его выпал вчетверо сложенный листок.

— А, забыл совсем! Вот, в поезде один сунул; листовка не листовка, черт ее знает, вроде — по теме нашего спектакля...

Развернув, стал читать с клоунской торжественностью:

— «Люди Земли! Грядет час Последнего Суда...» Ну, тут, как водится, про экологию, про Евразийскую войну и атомные бомбардировки. «В

довершение всех наших бед и несчастий, выползшая из преступных лабораторий, поразила мир «зеленая маска»...

— Скучно, — поморщилась Алька, — все эти сектанты долдонят одно и то же: Страшный Суд, конец, гибель... тошнит уже!

— Не скажи, выводы здесь оригинальные. Никаких призывов очиститься и покаяться, наоборот: «Осознав происходящее, мы затрудняемся назвать Бога любящим и всеблагим. Нет смысла надеяться на его жалость. Так что же, опустить руки и покорно ждать конца? Мы говорим — НЕТ! (Коментарий Альки: «Ух ты, сволочь!») Сотворив нас по образу и подобию своему, он имел неосторожность дать нам свободу воли. Первые люди на Земле уже были бунтарями! Но в чем состоял их бунт? Против злобной мощи Бога они были бессильны с голыми руками; бессильны и мы с ядерными ракетами! Адам и Ева, гордые, как сам Бог, выбрали изгнание и смерть. Будем же горды и мы. Он гонит нас в свой рабский рай, истребляя миллионами, — уйдем из его рук, отобрав свои жизни по собственной воле!»

— А что? — сказала Алька, подумав и выпустив струю дыма в облупленный потолок. — Достает. Неглупые мужики... чья там подпись?

— Носители Света. Есть контактный телефон.

— Молодцы Носители! Когда мне было лет

пятнадцать, я была гадкий утенок... не возражать, вся морда была в прыщах, как огурец... писала безумные стихи и всерьез думала: вот, доживу где-нибудь до сорока, уйду подальше в лес и выпью яду. И теперь иногда об этом подумываю...

— Ну, это ты зря!

Жестянкой продребезжал звонок. Алька нехотя выбросила окурок: «Ну все, зверушка, пойдем ломать своего Шекспира!» Проходя мимо зеркала, еще раз оглядела себя, поправила пшеничную челку: ничего себе! Хоть и не вырос лебедь из гадкого утенка, но, право, нос так французисто вздернут и дерзко искристы янтарные глаза, что порой собою залюбуешься.

Дневной воскресный спектакль начался, хотя в зале сидело не более двух десятков человек. Впрочем, действие предназначалось для одного, самого главного в славном городе Городище и окрестностях. Он-то, пан Хоменко, районный представитель Президента и командир ополчения, в последнее время благоволивший к христианству, и заказал гастроль «Вифлеема». Кроме свиты хозяина района, в зале торчало с полдюжины подростков, готовых всю жизнь провести в сплошной ржачке и заранее гыгыкавших, да сидели одинокие старушки, не знавшие, куда девать время.

Уже готовая играть, кутаясь в синее покрывало, смотрела Алька в щель занавеса на

сановного толстяка с лохматыми бровями. Хоменко и его спутники щеголяли земноводно-пятнистыми комбинезонами — новый стиль руководящих работников, фронтовая скромность. «С таким пузом тебе как раз на фронт!» Алька вспомнила все, что ей успели насплетничать на владыку Городища. Лет двадцать назад — диссидент из диссидентов, правозащитник, «узник совести», после падения прежней власти вдруг оказался народным героем, победителем... и такого испытания не выдержал. Избранный разом во все советы, вплоть до Верховного, прессою захваленный, телевидением избалованный, бедняга Хоменко поверил в свою исключительность — и закуролесил. Что там бывшие секретари Городищенского райкома партии!.. Отобрав у многодетных рабочих, годами ждавших жилья, три трехкомнатных квартиры, Хоменко слил их в одну двухэтажную, с бассейном и бильярдом; а когда захворал внук его, ненавидимый всей школою дурак и хвастун, дед за казенный счет послал мальчика лечиться в Швейцарию. Слову его были покорены все местные службы: начальник полиции, прокурор, директора заводов часто присутствовали при утреннем одевании демократа, словно вельможи в спальне Людовика XIV, получая в хамской форме разносы и указания. Быть может, в глубине крестьянской души затосковав о часе смертном, недавно стал Хоменко окружать себя

попами, богомолками, юродивыми; срочно в одном из сел начали реставрировать церковь, а в Городище был приглашен скандальный киевский театр «Вифлеем».

Едва успела спрятаться Алька, когда пошел в стороны занавес. Мистерия началась.

— «Я был в духе в день воскресный, и слышал позади себя громкий голос, как бы трубный, который говорил: Я есмь Альфа и Омега, Первый и последний...» Щепоть горячего порошка, заранее брошенная на электроплитку, чадила вовсю, вентилятор гнал едкий дым на сцену, где, сдерживая кашель, воздевал руки Гена Волощук в буром балахоне, с разлохмаченным венником бороды. Гена отступил в кулисы, и под все более громкую какофонию струнных и духовых, обозначающую конец Вселенной, луч осветил перед задником кресло с Валерой Хозиным.

Валера сидел мучительно прямо, вцепившись в подлокотники. Над его головой, над обклеенным фольгой венцом возник яркий огненный круг, распался на семь звезд... Владыка в зале шумно пошевелился: не слабо Гарик Шнабель, народный умелец, из сущего металлолома собрал свою светозвуковую систему!

«Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю. Итак, будь ревностен и покайся...» Пришла очередь Альки явиться перед очами городищенского

мандарина. Оправив покрывало, тихим балетным шагом приблизилась она к Сидящему на престоле. Хозин по сторонам не глядел, старался прятать дыхание, но запах бил от него, приторно тошный. «Закусывать надо, Валерочка!» — шепнула Алька, и тут же лавиной рухнули слова судьи, воистину в нечеловеческий глас обращенные усилителями и ревербераторами Шнабеля: «Кто побеждает и соблюдает дела Мои до конца, тому дам власть над язычниками, и будет пасти их жезлом железным; как сосуды глиняные, они сокрушатся...»

Установка Гарика работала во всю мощь: «От престола исходили молнии и громы и гласы». Валерочка пытался сосредоточиться, поднимая перед собой книжку, обтянутую малиновым бархатом, с гипсовыми посеребренными печатями... руки трясутся, чуть не уронил... слава Богу, держит!

Первая печать была лихо сорвана. Из-за кулис, готовясь подняться, на сцену ужами выползали мертвецы, Алька слышала матерщину. Чад от раскаленной плитки повалил гуще, в ладонь кашляли уже все.

Выводить на сцену коней было бы накладно, да и противоречило режиссерской условности: потому трое актеров в черном изображали бешеную скачку. Четвертым всадником был Корзун, длинный и нескладный. При взгляде на него Альку

передернуло: ну, приехал Борис Васильевич со своей символикой! Лицо Ростика было покрыто влажным мхом, с выгнившими ямами щек, — точь-в-точь «зеленая маска»...

Багровый свет залил чадную сцену. Старательно корчась, мертвецы вставали из могил: Ленка Ильчишина напялила корону, Витуля — папскую тиару... Отсчитав нужный темп, Алька молитвенно простерла руки к Сыну и заголосила, пытаясь вызвать Его жалость: «И цари земные, и вельможи, и богатые, и тысяченачальники, и сильные, и всякий раб, и всякий свободный скрылись в пещеры и в ущелья гор, и говорят горам и камням: падите на нас и скройте нас от лица Сидящего на престоле!..»

... Чтоб черти взяли этот громадный черный свиток, склеенный из листов ватмана, со звездами, присыпанными стеклом для сверкания! Он и на репетициях шел коробом; сейчас Нинуля с другим ангелом пытались скрутить его, спешили, пока еще не отвалился угловой лист. Наконец, небо было свернуто и осталось висеть на веревках; сестры Ильчишины, произведенные в праведницы, шустро вскочили на обтянутые черным кубы, прочие мертвецы простерлись на полу, и Гарик вывалил на них поток искр. Многовато паленого, подумала Алька, — как бы Хоменко не остановил спектакль.

Обошлось. В дымище и кастрюльном грохоте

приближался главный момент мистерии. Помнилось Альке, Борис Василич хотел тут всунуть эпизод со звездой Полюнь, имея в виду то ли Чернобыль, то ли ядерные взрывы последних лет на Кавказе и в Хайфе, — уже и противогазы висели в костюмерной. Потом отказался режиссер от «лобешника», «агитки» — и прямо перешел к пышному появлению Вавилонской блудницы на звере. Зверь был неплох, с хищной улыбкой на морде, — самая дорогая бутафория, каркас варили на военном заводе, — но Валюха!.. Даже выдавшая виды киевская публика ерзала и раздувала ноздри при ее появлении. Губы чувственного клоуна, рыжая челка, алая прозрачная ткань на золоченых сосках; никакого нижнего белья, поза верхом на звере — колени в стороны, наглый вызов мужчинам, всему миру! Верилось словам, которые выкрикивал, борясь с алкоголем, Гена Волощук: «С нею блудодействовали цари земные, и вином ее блудодеяния упивались живущие на земле». Подростки в зале восторженно взвыли, свита Хоменко на них зашикала. И было даже обидно, когда Валюха низверглась в ад кромешный, где мелькали жадные руки грешников, совсем не заслуживавших такой награды.

Последняя война, истребившая царей и воинство их, стараниями тренера по фехтованию выглядела недурно. Зато финал, по мнению Альки,

вышел скучным и заболтанным. Все страхи и потрясения закончились; Гена Волощук, почти весь спектакль простоявший столбом у правой кулисы, то воздевая руки, то закрывая ими лицо, гнусавил на авансцене, как увидел он «новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет». С другой стороны, — думала Алька, простирая полы синего плаща над склоненными праведниками, — как покажешь на сцене «святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба»? Слайдами, что ли, небоскребов Манхэттена? Или гимнастическими упражнениями? Не Василичу с таким справиться...

Полюбопытствовав, смотрит ли Хоменко, — увидела она, как подсаживается к сатрапу высокий, вальяжный брюнет в лайковом пальто. Должно быть, непростой гость явился под занавес: один из холуев так и вспорхнул, уступая место рядом с «самим». Пошептались. Пришедший благосклонно глядел на триумф праведных, стараниями Шнабеля озаренный почти настоящей радугой.

Все кончилось. Владыка хлопал, смеясь и качая плешивой головою, камуфлированная свита отбивала ладони; кто-то из подростков свистнул так, что проснулась старушка в третьем ряду и громко спросила у подруги: «Що, вже почали?..» Гарь висела сизыми пластами, словно здесь перекуривал целый полк. Откланявшись вместе с

мертвецами и ангелами, встретив ласковый обволакивающий взгляд брюнета, Алька вернулась в примерную.

Больше всего хотелось ей сейчас очутиться в гостиничном номере; если есть ток — согреть кипятильником воды и всласть умыться. (Дворец на время репетиций и спектаклей снабжали энергией по личному приказу Хоменко). Но хрена с два! Приглашение на гастроли надо еще отработать... Без намека на стук ввалился диктатор со свитой, за ним петушками попевали директор дворца и Борис Василич; начались охи, ахи, целование ручек, явилось дефицитное шампанское, и всегда готовые Гена и Валерочка, даже не разгримировываясь, уже тащили стаканы. Плоские комплименты, пошлятина самая скотская, — злилась она, работая ваткой с вазелином. Интересно, кто будет помогать ее тела: сам ли сатрап или кто-то из вьющихся вокруг него районных чинов?..

— Вы позволите?

«Какой реприманд неожиданный» — к добру ли, к худу?.. Рядом, полон деликатности, присел тот, в лайковом пальто: сильное лицо с крючковатым носом, близко посаженные глаза-маслины; блестящие, ухоженные волосы до плеч. Что-то такое исходило от него... сладко-жутковатое, покоряющее. Точно Алька была еще школьницей и общалась с мировым

рок-идолом.

— Разрешите поздравить вас со спектаклем, Алина...э-э... Сергеевна! Примите мои самые искренние...

Он приложил холеную руку к груди, Алька пожалала плечами:

— Спасибо, конечно, но... это же не премьера, премьера давно была!

— Ну, для меня это премьера. Я-то Вас вижу в первый раз!..

«От души хвалит, или...» Алька поймала себя на том, что «или» тоже вполне приемлемо. Вообще-то, редко с нею такое случалось, блюла себя Клюева, но — и на старуху бывает поруха: поговори еще с нею любезный гость да зазови потом в свой номер на рюмку кофе, пожалуй, что и согласилась бы...

— Виноват, не представился: Юрий Вулич, журналист московского телевидения.

Стало ясно: тщеславный Хоменко пригласил телевизионщика, дабы на весь свет развонить о гастролях «Вифлеема» в Городище, а главное — о самом себе, меценате, среди войны и разрухи спасающем искусства. Сколько же это денег надо, да не гривень пустых, уже печатаемых купюрами в миллиард, а валюты, чтобы залучить сюда гражданина воюющей с нами страны!..

— Будете снимать на видео?

— Да нет, я один, без группы. Сначала надо познакомиться, вникнуть...

Манера говорить вразтяжку, все жесты были у него чуть показными, — этакая скромная бравада уверенного в себе красавца. Отыскивал сейчас Вулич сюжеты для программы о религиозном возрождении; подобно Ростуку, не боялся пересекать фронты. Привлекали его и церковная блажь Хоменко, и театр, поставивший мистерию, — все в суп годилось!.. Внезапно и почти пугающе посерьезнев, москвич спросил:

— Сами-то... в Бога верите?

Алька помолчала немного, колеблясь — открывать ли душу; ответила честно:

— Верю. Но не в того, что на иконах, а в другого... с которым можно самой говорить, без священника!

— Хм, разновидность протестантизма...

— Не знаю. Я — верю так.

Уловив в ответе дрожь обиды, Вулич оголил рафинадные зубы:

— О-о, это ваше святое право! А как...э-э... насчет Страшного Суда? Только не на сцене, а в жизни? Будет он, как, по-вашему?..

Ей показалось, он ждет с нетерпением, странным после шутливого вопроса. Впрочем — журналист, его дело доить чужие мозги.

— Может быть, и будет, но... честно говоря, я

не думаю, чтобы все было точно как в Библии. Это Борис Василич... наш режиссер... он лупил прямо по тексту, мы из книжки учили. А если Суд будет на самом деле, то — не такой...

— Ве-ли-ко-лепно! — Вулич сделал жест из итальянских фильмов: прищурил глаз и выпятив губу, потряс рукою со сложенными в кольцо большим и указательным пальцами. — Вы дадите сто очков вперед любому богослову! Действительно, кем надо быть, чтобы через две тысячи лет воспринимать буквально всю эту темную еврейскую абракадабру? Я думаю, что нам с вами есть смысл продолжить...

— Що це ты наших дивчат охмуряеш? А у мене разрешения спросив?.. — Караваями теста лапы Хоменко легли — правая на плечо Юрия, левая пригнула к столику хрупкую Альку.

— Ну, какие ж они Ваши, Трохим Карпович? Киевские!

— Так то и значит — наши, а не ваши, московские... — Густо засмеявшись, хозяин сообщил актрисе: — Ты его не бойся, дивко, вин трохи той... — Хоменко покрутил пальцем у виска. — Но добрый человек, и горилку пьет, як вси православные, прости меня, Господи!.. — Скосив глаза, все ли видят, представитель Президента махом перекрестился. — Так! Ну, ничего расслаживаться, встали та й поихалы...

— Куда? — поднял писанные брови Вулич.

— На Кудыкину гору... До штабу району, там уже и стол накрыт.

Вояки сраные, внутренне окрысилась Алька, вот они для чего штаб используют — с актрисочками гулеванить втихаря от жен! Погодите, придет и сюда линия огня... Вслух же сказала:

— Вы мне переодеться дадите, деятели?

— Намъек поняв, выходим... — Трохим Карпович хлопнул Вулича по спине, тот поспешно встал.

Вдруг, легко перекрыв болтовню и звон стаканов, из-за двери донесся не человеческий и даже не звериный, а какой-то механический, сиренный визг. Надо было иметь крутое воображение, чтобы признать в нем голос Шнабеля. Затем ударом распахнулась дверь, и предстал сам народный умелец, всей щуплой фигурой и торчащими вокруг лысины патлами выражая крайний ужас. В наступившей тишине Валерочка уронил бутылку.

— Там, там... — трясясь, Гарик тыкал пальцем в сторону сцены. — Там!.. Ой, я не могу-у...

И завыл, уткнувшись в ладони.

Секунды оцепенения кончились. Смяв Гарика, все рванулись вон из гримерной. «Куды?» —

завопил Хоменко; отброшенный, сел на столик, и ножки под ним подломились. Схватив Альку за руку, Вулич сказал быстро, сухо:

— Одевайтесь и марш отсюда. В гостиницу не заходить, погуляйте где-нибудь за рекой. Патрулям старайтесь не попадаться. А я...

Не договорил. Со сцены донеслись вопли, усиленные пустотой зала, и толпа вломилась обратно. Трохима Карповича и саламандровой его свиты уже и близко не было, осталась лишь труппа «Вифлеема». Ключьями срывали с себя саваны, балахоны, ангельские крылья; одеваясь, не попадали пуговицами в петли, с плачем дергали непослушные молнии. Валюха в одних плавках, мотая грудями, везде искала свою косметичку.

Алька обернулась что-то спросить, — но Вулич словно испарился... Гена Волощук, пытаясь завязать шнурки, шумно рухнул и подниматься не спешил.

«Да что случилось-то, вашу мать?!» — загорланила она. Никто из метавшихся и вопивших не ответил; тогда Алька, яростно прыгнув, ухватила за платье кого поближе, Витулю Ильчишину. Та вывернулась, но на бегу сделала жест, проводя растопыренной пятернею по своему лицу.

Разом все стало ясно; выбор был прост — забиться в истерике или быстро, четко действовать. Предельно собрав себя, несколькими точными

движениями она влезла в джинсы, заправила их в сапоги, надела свитер и куртку. Все деньги в кармане, слава Богу... паспорт, Ростиков дезодорант... что ж, вперед!

Но нелегко было отодрать подошвы от пола. Даже под угрозой смерти, не могла она просто так уйти — не побывав в гостиничном номере, бросив там вещи. Годы нищеты научили: все, изготовленное фабричным способом, бесценно. Знакомые Альки, да и она сама, выскребали разрезанные тюбики из-под зубной пасты, стирали бумажные салфетки, на много месяцев растягивали баночку майонеза; женщины не вылезали из брюк, поскольку на колготки в витрине «фри-шопа» можно было лишь помолиться, и радовались, что электричество подают на два часа в день — дольше служили лампочки...

Сжав зубы, пересилила себя; но другой задержки не избежала. Ноги сами понесли через сцену... Интуиция! Да нет на свете никакой интуиции. Человек не выходит на общий поклон, пропускает выпивку в гримерной, — а у нее, Альки, даже сердце не дрогнет. Дура бесчувственная. Он же друг, вернейший, преданный... *преданный* ею сейчас!

Корзун сидел посреди сцены в луче не выключенного софита, уронив голову и свесив руки. Так и не снял он трико с намалеванными

ребрами, рядом валялась обернутая фольгой коса.

«Зверушка», — позвала Алька, и он медленно обернулся. Грим еще был на актере, подобие маски из прибеленного пудрой мха. Алька невольно подалась к нему, — жалость была нестерпима, — но тут Ростик взялся за щеку и снял с нее лоскут, так что открылись челюсти и зубы. Гнилостный запах достиг ноздрей Альки...

Из стихов, написанных в юности Алины Клюевой

Каждую ночь

Я встаю — часов около двух —

Из нагретой постели прочь.

Темнота и столбняк вокруг.

Я пальто надеваю в передней,

Синий шелковый шарф, перчатки и туфли.

Булькает в ванной вода,

словно капли белого времени.

Храпы родителей в траурной комнате

вспухли.

Я спускаюсь по темной лестнице —

На площадках чадят лампы...

Ударяя в бубен месяца,

Поет ветер свои колядки.

*Над асфальтом черные тополи
Шелестят, как в кошмаре мечутся...
Холод.*

*В тысячах окон копотных
Вслед за мной идет тьма-разведчица.*

*У меня удлиняется челюсть,
Уши — пиками, с ног спадают туфли.
На бегу по улицам греюсь;
Ветер, в шерсть мою дуя, ухнет —
И завою, завою в небо,
Слезы скатятся по щетине...
Рвусь я к месяцу, словно к хлебу,
Хвост мой брызгает снегом синим.*

*До рассвета волком тоскую,
А потом становлюсь собой.
Тянет ветер ноту больную,
Словно грустный, грустный гобой...*

*И опять я иду домой,
Будто нищий с пустой сумой.*

Жизни Ростикю оставалось не больше часа: если теперь сесть и смотреть, можно будет увидеть, как со скоростью минутной стрелки болезнь поглощает плоть, рушит кости, — пока не растечется комом слизи человек. Это показывали по

телевидению.

«Прощай», — сквозь слезы шепнула она и бросилась прочь. На бегу вспомнила, как целовала Корзуна перед спектаклем, и стала рукавом тереть губы, охваченная неистовым желанием тотчас найти одеколон, спирт, серную кислоту, что угодно, — хоть бы и с кожей содрать гибель.

Пришлось удовлетвориться ржавой струей из крана, тотчас иссякшей. В холле с радостными советскими фресками, с опрокинутыми и выпотрошенными игральными автоматами не было ни души. Наверняка, кто-нибудь уже вызвал санотряд, следовало поторопиться.

Выскочив из дворца, Алька внимательно огляделась. Была почти уверена, что Вулич ждет с машиной. И правда, какая-то черная «Волга» стояла, но далеко, возле управления полиции.

Наискось через площадь поспешила Алька, мимо гостиницы собиралась спуститься к мосту; и тотчас «Волга» тронулась в том же направлении. Шла Алька; крадучись, в полусотне метров ехала за нею машина. Очевидно, Вулич знал, чего остерегаться. Приняв игру, она и виду не подала, что замечает сопровождение.

Ни народу кругом не было, ни транспорта, кроме ползущей за спиной с тихим пофыркиванием «Волги». В безлюдье сама себе казалась Алька точкой на скрещении чьих-то следящих взглядов,

объективов, прицелов... О Боже, кто это?! Фу... всего лишь темные статуи мемориала Славы.

На середине моста, открытого всем ветрам, страх ее достиг предела. Сейчас окликнут в мегафон, догонят, пристрелят... «Волга»! К черту предосторожности, Вуличу придется впустить Альку.

Резко обернувшись, она подняла руку; набрала воздуху, чтобы позвать... Машины на мосту не было, вообще не было, точно испарилась. Куда же она могла свернуть, в один из дворов, что ли?..

Сойдя на низкий берег Ольшанки, почувствовала себя немного спокойнее: приречные кусты, сухой тростник сулили хоть какое-то убежище.

Выше начинались усадьбы; захотелось постучаться в одну из них, но, решив, что с началом паники крестьяне вряд ли обрадуются пришлому человеку, двинулась Алька вдоль реки.

Изрядно удалось ей отойти по утоптанной тропе, когда там, на площади, началось. Слышала Алька рев двигателей, и треск, и железный великанский голос, кричавший властно и неразборчиво. А потом великан шумно вздохнул, и центр города закурился черным. Санконтрoль поджег дворец.

... Кончалось это проклятое воскресенье,

декабрьский вечер пробирал сырым холодом. Чуть угрызенная, почти полная луна сочилась светом над шиферными крышами. На разъезженной, хлюпающей улице Альку окликнул Вулич: «Сюда, сюда скорее!..» За корявым старым тополем трясся от собственного гула бронетранспортер, пар окутывал раскаленную линзу прожектора. Кто-то, силуэтом в проеме на скошенном борту, манил рукой, зазывая.

Облегченно помахав в ответ, устремилась Алька на зов — но тут фиолетовой зарницею осветились дома и безлистые сады, земля предательски шатнулась под ногами; а когда вернула равновесие актриса, машины за тополем уже не было.

«Сон в зимнюю ночь...» На самой окраине поскреблась она в закрытые ставни дома. Внутри протопотали, ахнула женщина и будто бы зажала себе рот.

— Извините, — без голоса сказала Алька; откашлявшись, повторила громче: — У Вас нельзя попросить воды?

Втайне она надеялась добыть и хлеба... Сторожко скрипнула дверь; Алька вся подобралась, глотая слюну. К счастью, хозяева видели ее так же плохо, как она их: заряд дроби, в упор пущенный с веранды, плотным комом вжикнул мимо и пробарабанил по крышам через улицу. Истерически

залились собаки.

Она едва отдышалась, стоя среди поля, в жидкой снеговой каше. Стократ чиненные, сплошь в латках сапоги были уже мокры насквозь. Куда идти, где Киев, не знала даже примерно. Кругом на белом видела купы сосен, дальше — могучие бока холмов.

Инстинкт велел подняться выше и осмотреть местность; взойдя на холм, Алька тотчас заметила огни.

Огней было четыре, они поочередно зажигались и гасли над рощею — желтый, красный, зеленый, синий... И — ни звука. Это не походило ни на армейский патруль, ни на пост ЭВК. От огней исходили покой и умиротворение, словно от новогодней елки; не раздумывая, Алька поспешила к ним.

За колючими, набрякшими водою сосновыми лапами, на поляне открылось ей странное, невиданное здание. Высотою с обычный трехэтажный дом, сплошь из темного стекла, а может быть, пластика, с мягкими бликами на ребрах, — стояла ступенчатая пирамида, и те самые огни ритмично обегали квадрат ее вершины.

Альку и тянуло к пирамиде, и отталкивало: а ну как угостят чем-нибудь покрепче дроби?.. Голод решил сомнения, подобно злому псу рванув ее изнутри. Она пошла вперед, ища взглядом двери.

— Заблудились, милая?

Ноги Альки обмякли: за нею стояли двое рослых, плечистых, в комбинезонах... Санконтроль, нацгвардия, СБ — или новая какая-нибудь служба, на горе нам, беззащитным?.. Впрочем, разговор начался приветливый.

— Вы не местная, наверное?

— Д-да, из Киева...

— В городе, кажется, *случай* ?

Так теперь говорят все: «случай» — и уже ясно, о чем речь.

— Случай...

— А вы, значит, не пожелали со всеми, в карантин?

«Смываться», сказала она себе; но с места не тронулась, уловив слабый блеск металла у поясов двоих.

— Курить хотите?

— Я есть хочу, — внезапно и резко обозлясь, заявила Алька. — Со вчерашнего дня крошки во рту не было!

— Милости просим, — но еда у нас, знаете ли, самая простая.

Двери она так и не ощутила. Ее просто провели внутрь пирамиды, в сухой нагретый воздух, словно невещественной стала литая стена. Бездумно радуясь теплу и заботе, Алька взошла по закруглявшейся лестнице во второй ярус; там в

стене зиял овальный проем, открывая мягко освещенную комнату.

Все вокруг было — изголуба-коричневая, на просвет дымчатая масса; будто из себя выплеснула она пару кресел в виде шаров с выемкой, толстую плиту стола, кубы и призмы с роями внутри светляков, — тронь, где надо, и вещи вновь свернутся, слепятся в монолит...

Ей предложили снять сапоги, дали вафельное полотенце и теплые носки грубой вязки. А еда и вправду оказалась — проще некуда: перед гостьей ловко нарезали черный ноздреватый хлеб с великолепным запахом тмина, корицы, — запахом детства. Рядом был поставлен стакан и налито в него медленной струей густое, тревожно-красное вино. Первый глоток показался Альке тягучим и приторным; со второго она поняла, что в жизни не пила ничего вкуснее.

Одного из хозяев — того, кто заговорил с Алькою первым — звали Марком; этаким улыбчивый герой комикса, со светлыми волосами под бокс, ямочкой на подбородке и сильную шейю. Второй, смуглый, ростом пониже и коренастей, блеснул яркими цыганскими глазами, скулы обегала борода: имя ему было Азор. Она исподтишка любовалась обоими — отвыкла от неистасканных, упругих лиц, от чистой кожи.

Хлеб оказался не менее сытным, чем любое

мясо. Скоро наевшись и слегка опьянев, Алька закурила и поллюбопытствовала:

— Что у вас тут, база какая-то военная, что ли, или лаборатория? Раз уж пустили, наверное, могу спросить...

— Пожалуй, что военный объект, — снимая капли с усов, ответил Азор.

— Верится с трудом. Даже документов у меня не спросили. Шпионов не боитесь?

— А мы вас и так знаем, — сказал Марк, поднося ей программку театра «Вифлеем» — откуда достал, Алька не заметила. На скверном фото все же можно было узнать Алину в омофоре, стоящую за плечом Судьи.

Она встрепенулась:

— Так вы меня на сцене видели? Очень приятно! Ну, и как вам спектакль?..

Откликнулись не сразу. Алька размышляла, из какой ткани сделаны их коричневые, словно тронутые инеем комбинезоны: такая нежно-ворсистая, но, пожалуй, плотнее любого брезента. Ни нашивок, ни знаков различия... Конспираторы!

Отхлебнув вина, Марк деловито спросил:

— А вы знаете, на чьи деньги существует ваш театр?

Вопрос застал ее врасплох.

— Н-ну, не совсем... Что-то там говорил

Борис Василич, я не вникала. Вроде, совместное предприятие какое-то. В общем, деньги они зарабатывают на чем-то другом, а театр так... содержат.

— Меценаты, значит... ладно. — Собрав пустые стаканы, Азор бросил их в отверстие под столом; оттуда не донеслось ни звука.

— А... я что-то не так сказала? Ну, извините, я актриса; спрашивайте у Борис Василича, он у нас и режиссер, и директор.

— В свое время спросим, — закрыл тему Азор, а Марк добавил совсем другим тоном, чуть ли не виноватым:

— Понимаете, Алечка, мы сейчас не можем... укрыть вас. Ваше здоровье вне опасности, но... вам придется вернуться в город. Ничего не будет страшного: осмотрят, проверят приборами и самолетом отправят куда надо.

Она почувствовала как отпускает хмель; стало до боли неудобно, точно пинком ее вышвыривали на снег.

— Но я же киевлянка! Мне в Киев надо, у меня там мать. И работа, между прочим...

— Ну, работы у вас, считайте, уже нет, — отозвался жесткий Азор. — Всю трупку наверняка отправили к черту на кулички, в карантин. А к Киеву через кордон не пробьетесь, стреляют без предупреждения.

— Да хоть позвонить-то я должна, как вы думаете?..

— А это у нас запросто, — сказал Марк и, не вставая, подал ей мобильник, все из той же полупрозрачной массы. Цифры были изящно нарисованы...

— У вас тут, часом, не цирк? — спросила Алька.

— Ага, бродячий — шапито... Вы не нажимайте, просто касайтесь пальцами.

Мать оказалась дома и сразу закричала в трубку — так, что стало неудобно перед хозяевами. То обзывая дочь дрянью, то рыдая, мать спрашивала, где Альку носит, почему она не позвонит; сама себя перебивая, причитала, как жутко ей одной, какие ужасные слухи ходят по городу: будто появилась на Востоке какая-то армия, против которой никто не может устоять; скоро победит Россию и до нас доберется... Уловив короткую паузу в слезах и криках матери, Алька быстро сообщила, что план гастролей изменился: они должны побывать еще в нескольких городах, вернуться примерно через месяц. Мать снова завывала, рассказывая о бандитах, что рвут среди бела дня серьги из ушей, о сексуальном маньяке-потрошителе, публично повешенном на площади Независимости. Скомкав прощание, Алька положила трубку.

— В город надо вернуться затемно, — наставлял Азор. — Утром начнут прочесывать вертолеты, и тогда уж точно всадят пулю, чтобы не возиться.

— Поняла, не дура; иду, — сказала она, принудив себя встать и раздавить окурок в пепельнице. — А вы-то сами... как? Или вас не тронут?

— Спасибо за беспокойство, мы примем меры. Всего вам хорошего, Алина, еще увидимся... — Любезность у Азора выходила не очень натурально, он явно спешил избавиться от гостыи.

Марк вывел ее наружу; отвыкнув от промозглой сырости, Алька съежилась, обхватила себя за плечи. Далеко драли горло петухи, приближая рассвет.

— Ну, до свидания, Алечка! — сказал Марк, протягивая ей руку.

Разом такую заброшенную осознав себя в кошмарном мире, захотела она прижаться к широкой Марковой груди, зажмурив глаза по-бабьи, обо всем забыть... Ничего, конечно, такого не сделала. Лишь спросила:

— Что это там Азор говорил — еще увидимся?..

— Он говорил правду, — серьезно, тихо ответил Марк. — Будет трудно, больно,